

Елена Ленёва

Вэй-У-вэй

16+

Елена Васильевна Ленёва

ВЭЙ-У-ВЭЙ

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=57451392

SelfPub; 2020

Аннотация

Сентиментально-криминальная повесть о любви, философии и авантюрных приключениях. В Нью-Йорке – городе небоскребов, дорогих магазинов, немалых возможностей и, увы, больших иллюзий однажды пересекаются судьбы Сони и Стэнли. Соня – удивительная девушка, органично сочетающая доброту, отзывчивость и криминальный талант. Стэнли – полицейский. Смогут ли они найти один – общий – путь к счастью? И как на пути постижения мудрости и счастья им найти равновесие между Вэй – «деянием» и У-вэй – пассивным «недеянием»?

Содержание

Нью-Йорк. Верхний Манхэттен. Утром, в четверг...	5
За четыре дня до этого. В воскресенье утром...	8
Манхэттен. В четверг, в двенадцать дня...	18
Через три часа...	25
Департамент полиции Нью-Йорка. Пятница.	27
В пятницу, в Бруклине, за три часа до звонка в полицию...	34
Через два часа...	40
Три часа спустя после ограбления в Бруклине...	42
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Моей дочери Анастасии...

Если ты хочешь стать целым, —
позволь себе быть разделенным на части.

Если ты хочешь стать полным, —
позволь себе быть пустым.

Если ты хочешь получить всё, —
отпусти всё.

Лао-Цзы

Если хочешь выигрывать наверняка, изобрети свою собственную игру, а правила никому не рассказывай.

Эшли Брильянт

Нью-Йорк. Верхний Манхэттен. Утром, в четверг...

...привлекательная блондинка двадцати пяти-двадцати семи лет с зелеными, чуть раскосыми глазами, высокими скулами, нежной кожей и ослепительной улыбкой стояла у окна в небольшой квартирке на севере Манхэттена и, отодвинув занавеску, наблюдала за утренним движением на улице, неторопливо пила чай из дорогой фарфоровой чашки с китайским рисунком. Пила, наслаждаясь восточным ароматом и терпким чайным вкусом.

«А ведь он прав, для меня это просто игра, – думала она, – так почему не развлечься? Но когда игра закончится...» Она вздрогнула – созерцательное настроение нарушил рев полицейской сирены за окном.

Девушка отошла от окна, поставила пустую чашку на рядом стоящий туалетный столик и присела на маленький удобный крутящийся стульчик. Развернувшись вместе со стулом три раза, она остановилась на нужной ей высоте и, очаровательно улыбнувшись своему отражению в зеркале, начала расставлять на поверхности столика различные баночки, тюбики, щеточки, коробку с театральным гримом и прочие прелести женского макияжа. Расставив все это в одной только ей известной последовательности, она стала на-

носить макияж на белую, тонкую, почти прозрачную кожу.

Сначала поменяла цвет глаз. Для этого медленно надела одну контактную линзу. Засмеялась, увидев в зеркале свое лицо с разными глазами: коричнево-желтым и зеленым, потом так же осторожно поставила вторую линзу. Лицо тут же изменилось. В зеркале отразилась кареглазая пока еще блондинка.

Дальнейшие манипуляции не заняли много времени. Очевидно, она проделывала их достаточно часто. Взмах кисточкой – и скулы кажутся ниже, чем они есть на самом деле; грим на нос – и нос выглядит чуть длиннее; стрелки коричневым карандашом на веках – и полностью меняется форма глаз.

Важная деталь – парик. Парик она выбрала гранатового цвета. Ровные волосы, чуть ниже плеч, с игривой челкой.

В зеркале отразилась не менее очаровательная, но *другая* женщина, совершенно не похожая на прежнюю зеленоглазую блондинку. Эта была чуть старше – на вид ей лет тридцать пять, шатенка со светло-карими золотистыми глазами.

Последний штрих – одежда...

Привлекательная молодая женщина в роскошном платье, туфлях на каблуках и с элегантной дорогой сумочкой, небрежно повешенной на плечо, выходила из подъезда. Она выглядела стильно, дорого.

Такси ждало внизу. Женщина назвала таксисту адрес и

устроилась на заднем сиденье. Театральным жестом достала из сумочки пудреницу и припудрила носик. Улыбнулась, глядя на свое отражение в маленьком зеркальце.

Таксист бросил на нее взгляд в зеркало заднего вида, но ничего не сказал.

За четыре дня до этого. В воскресенье утром...

... спокойная и размеренная жизнь зеленоглазой красавицы изменилась.

Она любила воскресенье, когда можно валяться в постели, читать новые книги и перечитывать старые – любимые, позволять себе гастрономические излишества, купленные накануне в магазине на перекрестке Пятой авеню и Двадцать третьей улицы. Можно рассеянно следить за пылинками, мечущимися в просвете солнечного луча, останавливать задумчивый взгляд на вещах, предметах, книгах. Книг много, на разных языках: Мольер и Жапризо – на французском, Достоевский, Толстой и Чехов на русском, немало английских авторов – книги о животных, психология, словари, энциклопедии; Сервантес и Антонио Мачадо – на испанском, Паоло Коэльо – на португальском, а также книги китайских писателей – классика Цао Сюэциня – изрядно потрепанная, с многочисленными закладками на языке автора, новенькие издания Су Тун на китайском и английском языках, Лао Цзы и Конфуций.

По воскресеньям зеленоглазку одолевает созерцательная пассивность. У-вэй. Да, такое состояние, как считают китайские философы, для мудрого человека должно стать повсе-

дневным, однако девушка себя мудрой не считает, она, по ее собственному убеждению, находится всего лишь *на пути* постижения мудрости и счастья. Поэтому такое пассивное «недеяние» она позволяет себе только по выходным. А в остальные дни ее времяпровождение рассчитано и всегда имеет под собой какую-либо цель или причину – Вэй. То есть «деяние».

Она полагает, что нашла равновесие между Вэй и У-вэй. И такая жизнь ей нравится. Однако... есть нечто, чего ей недостает.

Девушка живет не одна. Год назад нашла она на улице крохотное пугливое чудо, выросшее в хорошенькую черно-белую мурку, и с тех пор жизнь хозяйки квартиры упорядочилась, подчиняясь правилам, которые установила маленькая хитрюга, и наполнилась новыми эмоциями и открытиями. Недавно зеленоглазка обнаружила, что кошка читает ее мысли. Хотя, надо признаться, в угадывании *кошачьих* мыслей она тоже преуспела: по движению усов, взгляду, оттенкам мяуканья девушка с легкостью считывала желания и намерения своей киски. Так что между ними царила гармония и полное взаимопонимание.

Кошка уже поела, поскреблась в своем домике – совершила утренний туалет, умылась и вернулась в постель к хозяйке: улеглась той прямо на живот и замурлыкала от удовольствия. Она знала, что по воскресеньям ее хозяйка любит поспать. Но у кошки свое расписание: сначала тихонько, а по-

том более требовательно настояла она на том, что кормежка не зависит от дня недели.

Девушка старалась не поддаваться на кошачьи выкрутасы, но в очередной раз пятнистая нахалка одержала победу. Пришлось вставать, насыпать сухой корм (вредина – она еще не всякую еду будет есть!) и снова нырять в постель, пытаясь заснуть. И таки да – под кошачье урчание ее вновь окутала сладкая дрема. Но сон длился недолго: ворвавшийся в тишину звонок телефона и удивительное поведение пушистой животины – та вдруг выгнула спину, зашипела на аппарат, заливавшийся джазовой мелодией, однако поразмыслив (это отразилось на кошачьей мордочке совершенно отчетливо!), успокоилась и тут же обмякла, как будто ничего не произошло, – окончательно разбудили хозяйку.

С удивлением глядя на кошку, девушка протянула руку к прикроватной тумбочке, нащупала аппарат, поднесла телефон к глазам, посмотрела на номер... Секунду она колебалась: отвечать – не отвечать. Но любопытство или еще какой другой интерес заставили ее нажать на зеленую кнопку.

– Здравствуй, дядюшка Лео. Рада слышать тебя. Как здоровье? Как тетушка Ману?

– Мануэла здорова, слава богу. А у меня, как всегда, сердце пошаливает... А как ты, девочка?

– У меня все нормально, Лео. Ты зачем звонишь? Мне приятно слышать твой голос, но я понимаю, что звонок из Мексики – не просто так.

– Да как тебе сказать...

– Что-то с отцом? Опять влез в историю, старый клептоман? – девушка произнесла это совсем не зло, с иронией.

– Обижаешь отца, девочка. Он не клептоман. Он – артист!

– погоди, – она напряглась, – ты хочешь сказать, что отец снова взялся за старое ремесло? Мы же договаривались! В его-то возрасте! Да что ж такое?..

Лео молчал.

– Эй, Лео, почему молчишь? – девушка сдернула легкое одеяло, вскочила с кровати, – значит, я права...

– Ты погоди, не кричи...

– Я не кричу, Лео. Я возмущаюсь... Пять лет я жила спокойно. Нашла работу. Хорошую работу. Кошку завела. Хочу жить без стрессов. Забыть детские шалости... А тут объявляешься ты и говоришь...

– Я еще ничего не сказал, детка.

– Но ведь позвонил не просто так?

– Да. Не просто так. Нам нужна твоя помощь.

– Нас могут прослушать, Лео? – спросила она с беспокойством.

– Обижаешь... Защита как в Белом Доме, – он тихо засмеялся.

Слышно было, как человек с той стороны затянулся сигарой, закашлялся.

– Куришь, старый черт? А потом на сердце жалуешься. Тебе курить вредно.

– Это я от волнения. Бросил почти. Вот только когда волнуясь, рука сама тянется за сигарой...

– Врешь, что бросил. Вы, воровские морды, привычек не меняете. У тебя и свой торседор¹ есть. Я знаю. Что куришь? Все те же любимые сигары Фиделя?

– Не меняю я привычек, Сонечка. Коиба – и мои любимые сигары. *Los que fuman Cohiba no van morir de cáncer, pero aquellos que no fuman van a morir de envidia*,² – произнес он по-испански, – а ты, девочка, ничего не забыла. Память у тебя, я всегда говорил, лучше, чем у компьютера.

– *Di lo que necesitas! Te escucho*.³ Все равно ведь не останешься, знаю тебя.

– Понимаешь, какое дело...

Он затянулся сигарой. Соня просто физически почувствовала шоколадный сигарный аромат и... потянулась за шоколадкой. Отломил кусочек черного лакомства, положила в рот. Выжидала, пока Лео начнет излагать, зачем звонит.

– Понимаешь, какое дело. Твой отец в тюрьме...

– Что?

– Ты не волнуйся.

– Что значит, не волнуйся... На чем он погорел?

¹ Торседор – крутильщик сигар, который вручную из листьев табака скручивает сигары.

² Те, кто курят Коиба, никогда не умрут от рака, но те, кто не курят, умрут от зависти (исп.).

³ Говори, что надо! Я тебя слушаю (исп.).

– Да ни на чем. Он уже давно не занимается ничем... противоправным. Слово, данное тебе, держит.

– Тогда что же случилось?

– За прошлые грехи нашли его. Сажать не хотят. Видимо, и доказательств у них нет.

– Так что же им нужно?

– Деньги. Если мы не дадим им сумму, которую они просят, то можем просто не дожидаться старину Пата из тюрьмы.

– Взятку требуют?

– Да, девочка. А мы сейчас не так сильны, как раньше.

Защитить нас от молодых волков некому.

– И сколько требуют?

– Полмиллиона.

– Сколько?

– Полмиллиона, детка.

Соня присвистнула:

– Ну и расценки, скажу я тебе... А что, отец по сусекам поскрести не хочет? Я уверена, что у него не один миллион припрятан на черный день.

– Дак... мы по сусекам поскребли...

– И что?

– Полмиллиона – это то, что осталось раздобыть. Они требуют больше. Дали нам две недели сроку.

– Он же мне говорил, что его никто не вычислит и не найдет: ни старые дружки, ни полиция.

– Это не полиция. Это гангстеры.

– Стоп. А как же тюрьма?

– Это полицейские гангстеры...

– Лео, ты о чем? Какие такие гангстеры? Это же полиция!

– Это Мексика, детка. А не твоя Америка.

– И какого черта вы в Мексику подались? Сидели бы на Кубе. Так нет, скучно им, понимаешь, в стране Фиделя.

– Так все было нормально, Сонечка. Столько лет все было нормально. Но...

– Лео, что ты от меня хочешь?

– Я хочу, чтобы ты раздобыла полмиллиона, девочка.

– У меня нет таких денег, – Соня выругалась.

– Но у тебя есть талант их добыть. У тебя, девочка, уникальный талант. Такой дар выбросить на помойку! Ай-яй-яй. Но это твой выбор. Мне бы твои способности, – он затянулся сигарой. – Но в этот раз надо помочь, Соня.

– Нет! Нет! И еще раз – нет! Я не хочу снова прятаться от полиции... Я с детства только этим и занималась. Мне надоело!

– Детка, для тебя это просто игра. Я не знаю, как ты это делаешь, но даже меня, старого волка, ты обводила вокруг пальца. Это развлечение для тебя. Разве не так? Ты вспомни...

– Лео, я больше не играю. Я повзрослела.

– Но твой талант с возрастом не пропал. Я понимаю, ты сейчас предпочитаешь спокойную размеренную жизнь...

– Давишь на гордость? Думаешь, расплавлюсь?

– Соня, детка, надо ведь совсем немного. Пять-шесть ювелирных магазинов и все. В вашем Нью-Йорке столько богатых магазинов. Все деньги мира крутятся в Америке. Тебе нужно только добыть драгоценности. Все остальное мы сделаем сами.

– А где гарантия, что отца отпустят?

– Это честные гангстеры.

– Лео, ты хоть слышал, что ты сказал? Ха-ха... Честные гангстеры.

– Обижаешь, девочка. Если бы не было гарантий, то мы бы оставили эту затею.

– Бедный папа...

– Сонечка, я обещаю, что это последний раз. И это твой отец! Ни для кого другого я бы не просил. Для себя бы не просил. Мы с ним друзья, ты знаешь. Вот уже сорок лет. Ты родилась на моих руках, девочка... Ты же помнишь, как мы дружно жили? Китай помнишь? Как мы всегда были на полшага впереди китайских грабителей? Они приходят, а сейф уже пустой... – он засмеялся, закашлялся...

– Я все помню. Но лучше, если б забыла. Мама всегда была против.

– Мама твоя – святая была женщина.

– Она ругалась с отцом, когда он приучал меня к вашим играм.

– Ругалась... Но они так любили друг друга. Ты же знаешь...

– Знаю. Мамочка, – Соня шмыгнула носом, – как рано она ушла.

– Но у тебя остался папа.

– Теперь на жалость давишь? Ты, старый черт!

– Так что будем делать, девочка?

– Лео! – Соня выругалась. – А друзья? Ворье, которое друзьями себя называет? Они что, не могут помочь?

– Сонечка, все сбросились, сколько могли. Больше нет. Я бы тебя не беспокоил, поверь. Да и отец запретил... Сказал, лучше умереть, чем радость свою – доченьку – беспокоить... Это я сам решил тебе позвонить. Уж больно жалко мне Пата.

– Я подумаю.

– Подумай, душа моя. Если помощь какая нужна, ты говори.

– Какая от вас помощь?.. Только хлопоты.

– Денег можем немного дать... Ну, ювелир у нас есть в твоём Нью-Йорке, который может быстро изготовить подделку...

– А? – Соня на мгновение задумалась. – Это интересно. Ладно, приготовь семь... нет, лучше десять тысяч. Ювелира предупреди, что позвоню. Расплачиваться с ним сами будете.

– Да, детка. Все сделаем.

– И найди мне три-четыре сим-карты новые... Я их потом выброшу.

– Это не проблема. Завтра тебе их доставят. И деньги то-

же. А еще у нас есть один парень. В Лос-Анджелесе живет. Тоже талант. Может, свяжешься? Он джентльмен... По гостиницам и на светских приемах промышляет.

– Нет. Никаких джентльменов.

– Я так и думал. Ты всегда одна... Значит, согласна?

– Лео, а ты оставил мне выбор? Я попробую. Присмотрюсь пока.

– Спасибо, детка...

Казалось, разговор окончен, но никто из них трубку не отключал. Наконец, Соня спросила:

– Как он там? Как папа? Держится? Ты видел его?

– Он молодец! Как всегда. Тебя очень любит. Он не хотел тебе говорить, Соня. Это все я. Я сам принял решение. Не хватает нам, понимаешь...

– Ладно. Не уговаривай. Я сказала, что попробую. Последний раз, Лео.

– Да, детка. Обещаю.

– Да иди ты к черту, старый пень! – и бросила трубку.

Манхэттен. В четверг, в двенадцать дня...

...у ювелирного магазина, прямо перед дверью остановилась такси. Женщина расплатилась с водителем и, добавив к сумме, указанной на счетчике, двадцать долларов, пообещав дать еще сто, если он ее подождет (водитель довольно закивал), изящно вышла из машины. Поздоровалась с охраной. Улыбнулась. Спросила, как у них дела. В общем, обратила на себя внимание. Двое мужчин – охранники – удивились: клиенты, как правило, их не замечают, редко им улыбаются и не вступают в беседу. В этот бутик приходят богатые люди. Нет, конечно, любой может зайти – никакого запрета нет. Но люди с небольшим достатком, видя цены на украшения, чувствуют себя неловко и стараются побыстрее выскочить из дорогого бутика. У охраны и работников ювелирки глаз наметан. У них чутье: этот – покупатель, а тот – случайный визитер.

Женщина выглядела шикарно. Но ее нельзя было определить ни в одну категорию. Да, у нее есть деньги. Но она не выглядела богато. Она другая. Что-то в ней было не так. Что-то ускользало от наметанного взгляда работников. Красивая, стильная, с удивительными золотыми глазами. Непонятная, одним словом.

– Привет, – заговорила она с работницей.

– Здравствуйте, – ответила та и смутилась, не зная, как обратиться к женщине: мадам, синьора, фрау, мисс...

– Прошу прощения, я не очень хорошо говорю по-английски, – начала та, – я хотела бы посмотреть украшения из бриллиантов... Серьги. Мне нужны дорогие, красивые серьги, – старалась подбирать слова женщина.

У нее был акцент. Грассированный звук «р» и восходящая интонация речи характерны для французов. Да, скорее всего. Французы, вообще, не стремятся изучать иностранные языки, а те, кто более-менее сносно владеют английским, говорят на нем с чудовищным акцентом.

– Конечно, леди. Проходите. Я думаю, здесь вы найдете все, что вам нужно.

– Э... мне нужны серьги в... как это сказать... – женщина смутилась, – я не знаю, как это называть... Скажите, а у вас есть работники, которые говорят по-французски?

Девушка обрадовалась: она правильно определила – перед ней француженка.

– Да, мадам. Наш директор – француз. Я позову его. А вы пока посмотрите: вот здесь, на витрине, есть очень интересные экземпляры.

Она «передала» женщину своей коллеге, многозначительно кивнув головой, что могло означать: «Будь внимательна и любезна – наш клиент», и удалилась.

Через минуту появился директор.

– Мадам... – он протянул руку, – месье Морель – директор.

– О, добрый день, месье Морель, – дама была сама любезность, – извините, что беспокою. Но мне трудно объяснить девушкам, что бы я хотела приобрести. Сегодня все говорят по-английски, а я – просто белая ворона... Это из вредности! Да, из вредности!

У директора поднялись брови. Он был заинтригован.

– Да. Я была своевольным ребенком. Росла среди бабушек-нянюшек... И не влюбила училку английского. Свободно говорю по-испански. *Me entiéndes?*⁴¹ Но английский так и не выучила.

– Я к вашим услугам, дорогая мадам. Вы интересуетесь серьгами...

– Да. Муж решил сделать мне подарок. Но я всегда предварительно выбираю то, что хочу. Вкусы у нас с ним разные.

Директор расстроился. Значит, дама сегодня покупать не будет, только отложит. Да и купит ли вообще? Он зря надеялся. Видимо, женщина поняла, о чем он подумал.

– Я дам вам задаток. И муж приедет через пару часов забрать украшение, – успокоила она его, – если я найду то, что хочу, разумеется.

Директор немного приободрился:

– Ну, идемте смотреть, мадам.

– Да, конечно.

⁴¹ Вы меня понимаете? (исп.).

– Вот, – он показал серьги, – это очень необычные серьги. Прекрасный дизайн, платина, камни... Восемь десятых каратов каждый. И огранка в пятьдесят семь граней.

Реакция женщины его удивила. Она была разочарована.

– Возможно, у вас есть какие предпочтения, мадам? Вы хотите бриллианты? Сапфиры? Огранку в золоте? Платине? Я вижу, эти серьги вам не понравились.

– Не то чтобы не понравились, месье. Просто это не совсем то, что я хочу. Посмотрите...

Женщина отбросила волосы, и директор увидел в ушах небольшие серьги. Но камни! Чистейший бриллиант! В каждом камне – не менее двух карат.

– Знаете, я равнодушна к украшениям. Камни привлекают меня чрезвычайно. Хотелось бы серьги, в которых основное – не оправка, а камни. Предпочитаю солитер... Клас-са А, от двух каратов, круглой огранки, желательно «Хай-лайт-Кат» на семьдесят три facets. Можно и королевскую огранку, на восемьдесят шесть. Лучше бесцветные. Но мне нравятся и розовые бриллианты.

Женщина смущенно улыбалась. А директор обрадовался.

– Думаю, у нас есть то, что вы ищите! – он радостно хлопнул в ладоши, – пойдёмте.

Он отвел женщину вглубь зала, к бронированной витрине, достал ключи, нажал на кнопку рядом – тут же пришел (просто вынырнул откуда-то!) человек, и они вдвоем открыли витрину: один – вставил свой ключ, другой – свой.

– Вуаля, мадам. – Он протянул ей удивительные серьги. – Смотрите! Думаю, это то, что вы ищите.

Женщина взяла в руки украшение...

– Я могу примерить?

– Конечно, дорогая мадам.

Она аккуратно сняла свою серьгу, положила на серебряную подставочку (директор бросил взгляд – так и есть, бриллиант и, причем, очень хорошего качества. Нет, двух карат нет, но камни очень чистые), вставила в ухо сережку с одним потрясающим камнем; оправа подчеркивала его красоту, казалось, что камень просто приклеился к ее уху!

– Да, это мне нравится... Пожалуйста, передайте вторую серьгу.

Директор дал ей вторую. Восхищенно смотрел на женщину. Она была красива.

– В Париже я подобных не видела.

– Это единичный экземпляр, мадам.

– Я беру эти серьги, месье.

– Вы не спрашиваете, сколько стоит украшение?

– Я знаю, сколько они могут стоить, – женщина улыбнулась – открыто, радостно, – и очень рада, что пришла именно к вам. Замечательно!

Она достала телефон, позвонила мужу, мурчала в трубку («Да, я нашла то, что хотела... Да, дорогой... Через два часа?... Хорошо... Да, оставляю... Спасибо»).

– Вот две тысячи, – передала она директору наличные, –

это залог. Муж приедет через два часа.

Потом прищурилась и приблизившись к уху директора, сказала полусшепотом:

– Он любитель договариваться... Если будет просить скидку, не давайте! – и захохотала, – но, если вы уступите небольшую сумму, можете быть уверены, что он вернется и еще что-нибудь купит... Или я вернусь... Кстати, я уже присмотрела булавку для галстука. Но это не сегодня...

Она веселилась.

– Мадам, будьте уверены, мы обслужим месье по высшему разряду.

– Можете упаковывать, – кивнула женщина работнице, стоящей рядом.

Девушка вопросительно посмотрела на директора – тот сделал легкий жест в ответ, что означало: «Да, упаковывай», затем достала красивую бархатную коробку, подождала, пока клиентка снимет серьги и передаст ей.

Женщина сняла серьги, положила на специальную подставку, взяла свои, надела, легким движением руки поправила прическу, отчего бриллиантовые блики заскакали по витрине как солнечные зайчики. Она была весела и беззаботна.

Работница тут же принялась упаковывать дорогое украшение под бдительным взглядом сотрудника, который открывал витрину. Она немного нервничала: то ли оттого, что старалась услужить, то ли от взгляда «человека с ключами».

А клиентка снова радостно воскликнула:

– Ах, я очень довольна! Спасибо, дорогой месье.

– Вам спасибо, мадам.

Женщина выпорхнула из магазина, одарив улыбкой охранников. Водитель такси быстро вышел из машины, открыл дверцу.

– Спасибо, что подождали. Вы честно заработали свои сто долларов. Езжайте туда, откуда вы меня забирали.

Через три часа...

...директор ювелирного магазина спустился из своего кабинета в зал продаж и подошел к работнице, которая упаковывала дорогие серьги для девушки.

– А что, месье – муж нашей клиентки – не появился?

– Нет еще, сэр.

– Странно... Вы хорошо упаковали украшение?

– Да, сэр.

– А если он захочет перед покупкой посмотреть на серьги?

– Это очень легко сделать. Я покажу ему.

Директор побродил по магазину. Рассматривал витрины.

Прошло еще минут пятнадцать. Вернулся к девушке.

– Может, она передумала?

– Я не знаю, сэр... Но тогда она должна вернуться за своими деньгами. Она ведь оставила залог.

– Да... Странно. Покажите мне, какую вы выбрали упаковку.

– Вот, сэр.

– Откройте, мисс.

– Да-да. Это очень легко. Пожалуйста.

Он взял серьги... Что-то не так... Боже! Это не те серьги!

– Что это? – прохрипел он, глядя выпученными глазами на продавщицу и переводя взгляд на серьги.

– Как что? Это серьги, которые вы распорядились упаковать.

вать.

– Но это не те... – он не мог договорить, начал хрипеть и валиться на пол.

– Врача! Срочно врача! Ему плохо!

Каким-то последним усилием воли директор вытащил из внутреннего кармана пиджака пузырек с таблетками, положил одну под язык. Боль отпустила...

– Звоните в полицию! Закрывайте магазин! Камеры!..
Нужно посмотреть все камеры. Срочно звоните в полицию.
И... – он застонал, – в страховую компанию...

Департамент полиции Нью-Йорка. Пятница.

Для детективов полицейского департамента вчерашний вызов в ювелирный магазин предполагал привычную рутинную процедуру по сбору и обработке данных о совершенном преступлении. Однако дело об ограблении (на такой формулировке настаивал шеф бюро, полицейские же считали, что это, скорее, мошенничество или кража в особо крупных размерах, учитывая стоимость украшения) оказалось действительно необычным и пробудило у детективов неподдельный профессиональный интерес. Полицейские соскучились по интересной работе, которая требует аналитических методов расследования. Вчерашний вызов давал им надежду именно на такое дело.

В Америке нет единого полицейского управления. В каждом штате и каждом крупном городе есть свои полицейские ведомства. Департамент полиции Нью-Йорка – NYPD – организация серьезная. Мужчины и женщины в полицейской форме – улыбчивые и добродушные – имеют заслуженный авторитет у ньюйоркцев и многочисленных туристов, телефон «911» знают даже маленькие дети, а постоянный рев полицейских машин не только суров, но и привычен.

Однако внутри департамента есть, конечно, и свои про-

блемы, одна из которых – небольшая заработная плата сотрудников. Бесконечные полицейские забастовки и протесты, происходящие в городе, говорят о трудностях, с которыми сталкиваются в организации своей нелегкой работы простые полицейские. Да и как не бастовать, если в соседних округах, например, в Нассо, Уэстчестере или Саффолке, и даже в транспортной полиции Нью-Йорка зарплата полицейских чуть ли не в два раза больше! Поэтому многие сотрудники перебираются в другие округа, департаменты или штаты, где стоимость жизни намного ниже, или идут работать в полицию портов Нью-Йорка и Нью-Джерси. К тому же график работы нью-йоркских полицейских очень напряжен, и работа у них гораздо опаснее, чем в транспортной полиции.

Поэтому те полицейские, которые, несмотря на трудности и небольшую зарплату, остаются работать в Департаменте полиции Нью-Йорка, являются по-настоящему фанатами своего дела, любят город с его сумасшедшим ритмом жизни, свою работу и имеют все возможности для карьерного роста.

Детективы, как, впрочем, и все работники департамента, не сидят без дела. Детективы-следователи и детективы-оперативники расследуют грабежи, убийства, изнасилования, кражи и другие преступления.

Вчера полицейские приняли несколько вызовов: семейные ссоры (снова в Бронксе!), пара незначительных потасовок среди латиноамериканских иммигрантов, драка с серьезными ножевыми ранениями, несколько мелких краж,

две квартирные кражи со взломом и одно очень необычное ограбление ювелирного магазина.

Заниматься расследованием ограбления было поручено известной в департаменте тройке полицейских – двум детективам-оперативникам из детективного бюро и детективу – сержанту-руководителю. Эти парни являются теми редкими кадрами, для которых оставить любимый Нью-Йорк и уехать в какой-то другой, более спокойный и комфортный для жизни город, является абсолютно неприемлемым. И даже частое ворчание жён – двое оперативников женаты и обзавелись детьми – на предмет того, что переезд в Нассо или хотя бы в Пенсильванию решил бы многие бытовые проблемы, не ослабляют их желание работать в нью-йоркском полицейском департаменте. А ворчание жен они стараются если и не игнорировать, то деликатно спускать на тормоза: где лаской и нежностью, а где и серьезным мужским окриком, давая понять, что работа именно здесь является смыслом их жизни.

Один из них – небольшого роста, щуплый, в очках. Ему тридцать пять лет и у него две дочери. Второй – среднего роста, больше похож на офисного работника, чем на полицейского, воспитывает сына. Третий – детектив, сержант-руководитель – выше среднего роста, широкий в плечах, с копной рыжих волос и смеющимися глазами. Две недели назад ему исполнилось тридцать восемь. Он не женат. Это является предметом насмешек коллег, которые устали подыскивать ему многочисленных незамужних и разведенных подружек

своих жен.

Втроем они внимательно изучают видео. Увеличивают кадры.

– Честно говоря, потрясающая мамзель. Как она лихо провернула дело, а?! – говорит Рыжий.

– Сколько, ты говоришь, стоили серьги? – спросил Маленький.

– Девяносто девять тысяч долларов. Это без налога с продаж.

– Ни хрена себе. Ну, у богатых расценки нехилые.

– Вот ты можешь купить своей жене такие серьги? – подключился Офисный.

– Если ограблю банк, – ответил Маленький, и все засмеялись.

– Девочку найти будет непросто. Но магазин все равно получит страховку.

– Ага... Неизвестно еще, получит или нет.

– А почему?

– Могут доказать, что не страховой случай.

– Это как?

– Да понимаешь, этот директор *сам отдал* ей серьги. Вручил, так сказать, на блюдечке с бриллиантовой каемочкой.

И они дружно захохотали.

– Но, скажу вам, мамзель – профессионал. Когда она их подменила? Это невероятно!

В кабинет зашла сотрудница – приятная женщина лет

тридцати пяти, миловидная и, как все женщины, работающие в мужском коллективе (пусть даже и полицейском), старающаяся подчеркнуть, что она, скорее, сотрудник, а не женщина. Но взгляд, походка, манера говорить все равно выдавали в ней женственную особу. Детективы хорошо к ней относились и иногда снисходительно и незлобно над ней подтрунивали.

– Мы посмотрели по архивам, – начала она, отпивая кофе из бумажного стаканчика, – ничего подобного не нашли. Ни одной француженки, которая так или иначе замешана в ограблениях.

– А если мамзель не француженка? Может, она из Канады?

– Директор сказал, что она говорила по-французски без акцента. Он считает, что у девушки парижский выговор. Ты послушай сам.

– Камера далековато от этой витрины. Слышно плохо. Да и по-французски я знаю только одно слово: «лямур», – протянул Рыжий букву «у» и недвусмысленно ей подмигнул.

Мужчины снова засмеялись.

– Зря веселитесь, – упрекнула сотрудница, – она профессионал! Думаю, не последний магазин ограбила.

– Не каркай, Магги, – Офисный взял ее стаканчик с кофе, отпил из него и подмигнул, – буду знать твои мысли, – кивнул он на стаканчик и снова засмеялся.

– Мои мысли? Будет хорошо, если ты прочтешь мои мыс-

ли!

Магги, видимо, не разделяла настрой своих коллег-мужчин.

– Не злись, – вставил Маленький, – тебе не идет.

– Мамзель, может, и француженка, но живет в Америке. А то, что плохо говорит по-английски – это, скорее, игра. Она развлекается. Ты посмотри! Она все время веселится! – Рыжий с восторгом наблюдал за женщиной на видео.

– Я смотрю, она тебе понравилась? – с недовольством спросила женщина-полицейский, подчеркнув слово «понравилась».

– А ты ревнуешь?

Мужчины молча давились от смеха.

– Вот еще. Дураки вы все.

Детективы снова захохотали, а Маленький подошел к Магги и обнял ее по-дружески.

Звонок телефона прервал общее веселье.

– Да. Да... – Выражение лица Рыжего менялось. Сначала на лице отразилось напряжение, потом удивление, и, наконец, улыбка.

Коллеги молча за ним наблюдали.

– Да. Выезжаем, – закончил он и повесил трубку.

– А так хорошо сидели... – сказал Маленький. – Что там?

– Не поверите... – Рыжий снова засмеялся, – это Магги накаркала.

– Неужели снова ювелирка?

– Ага. В Бруклине. В русском ювелирном магазине.

– Налет?

– Не-а.

– Надеюсь, на этот раз не наша мамзель?

– Не наша, – Рыжий откровенно заржал.

– Ты чего ржешь?

– Русская.

– Что, «русская»?

– На этот раз русская барышня.

– Не понял... – Офисный открыл рот.

– Одна русская провернула такой же финт, как и французенка.

– Так мы имеем дело с международной мафией?

– Ага! С международной женской мафией любительниц бриллиантов!

Буга-га. Они веселились, собираясь на место ограбления. Потом сели в полицейскую машину, включили сирену и рванули в Бруклин.

В пятницу, в Бруклине, за три часа до звонка в полицию...

...у ювелирного магазина остановился вишневый Майбах. Водитель открыл заднюю дверцу, помог выйти молодой женщине с ребенком, затем вытащил легкую коляску, в которую женщина поместила малыша.

В этот час в магазине не было посетителей. Работники наблюдали за машиной (ого!) и за женщиной (ух, какая!), глядя через большое «французское окно» на улицу. Увидев, что женщина направляется в магазин, все быстро заняли свои места.

Очаровательная блондинка с детской коляской зашла в магазин. Ребенок был прикрыт специальным тонким материалом с рюшами. Вероятно, мальчик. Коляска голубая, малыш – в легком голубом одеяльце. Девушка была совсем юная: лет двадцать, не больше. Соломенные волосы, серые глаза, высокие скулы. На ней был красивый брючный костюм, сумка от Луи Виттона. В ушах сверкали дорогие бриллиантовые серьги, блеск от которых, когда она передвигалась, отражался по всему магазину.

Она остановилась у второй витрины.

– Что-нибудь хотите, леди? – поинтересовался молодой работник.

– Да... Но пока я только смотрю, – она очаровательно улыбнулась, глядя парню прямо в глаза, отчего тот смутился.

Девушка говорила с легким акцентом.

– Я выбираю подарок... – наконец, она обратилась к работнику.

– Для кого?

– Для себя. Муж хочет подарить мне браслет. В честь рождения нашего малыша.

– На какую стоимость вы рассчитываете, леди?

– Тысяч на сто, – она улыбнулась и прямо посмотрела на парня.

Он сглотнул слюну. Пот выступил у него на лбу. Но он пытался сохранить невозмутимый вид. *Ему казалось*, что он сохраняет невозмутимый вид!

– Я сейчас позову администратора, леди. Такие дорогие вещи не в моей компетенции.

– Спасибо, – ответила она почему-то по-русски.

Парень задержался, услышав русскую речь.

– Вы говорите по-русски?

– Да, – девушка обрадовалась, – замечательно... Я надеялась, что здесь понимают русский язык. Говорят, это русский район?

– Да. А вы не знали? – он удивился.

– Нет. Мы недавно в Нью-Йорке. Я родила ребенка. Муж работает... Вот наш сын подрос, – она засмеялась, – ему уже месяц... А я могу немного расслабиться. Хожу по магази-

нам. Да. Очень люблю обувь и украшения. Как все женщины.

Подошел администратор.

– Здравствуйте, леди, – он говорил по-русски.

– Добрый день. Мне нужен браслет.

– Мне сказали о вашем желании. Какое плетение вы предпочитаете? Золото? Платина? С камнями? Какие камни?

– С камнями. Покажите, что у вас есть.

– Прошу.

Они прошли к витрине.

– Вы можете померить все, что вам нравится. Показать этот? – администратор указал на браслет с сапфирами за семьдесят восемь тысяч долларов.

– Подождите. Мне больше нравится вот тот, – она обратила внимание на платиновый браслет с изумрудами. В центре – большой красивый изумруд.

Когда она указывала на платиновый браслет, на пальце блеснуло кольцо. Дорогое кольцо. Администратор оценил сразу: тысяч сорок-пятьдесят...

– Вы говорите об этом изумительном украшении? – он аккуратно взял сверкающий браслет.

– Да. Он красив.

Малыш в коляске чуть запищал и, казалось, начал шевелиться.

– Ну-ну, дай маме еще немного времени, – ласково сказала она ребенку и покачала коляску.

Малыш замолчал. Женщина обратилась к администрато-

ру.

– Я могу померить?

– Да, конечно. Я вам помогу, здесь достаточно сложная застежка.

Женщина протянула руку. (Кольцо блестело.) Подождала, когда браслет защелкнется. Изящно взмахнула рукой. Камни заиграли зеленым светом.

– Мне нравится. Изумруд – талисман мореплавателей и матерей. Вы знали об этом? Я – мама. А изумруд охраняет женщин и домашний очаг. И к тому же изумруды способствуют постоянству чувств, притягивают богатство, приносят покой и умиротворение, – она говорила медленно, словно пела колыбельную. Растягивала слова, убаюкивала спокойным и уверенным голосом. – И еще... Они рассеивают меланхолию, – она тихо засмеялась.

– Если вы считаете, что он великоват, мы можем убрать одно звено.

– Нет-нет. Я люблю, когда браслеты свободно болтаются на руке.

Она рассматривала браслет, растягнула, снова застегнула.

– Я его беру, – сказала она уверенно.

– Извините, леди, вы видели цену?

– Да, – она улыбнулась. – Меня цена устраивает.

От взгляда этой девушки администратор смутился. Девушка смотрела на него такими светлыми, серыми, лучистыми

ми глазами, что малейшие сомнения исчезли.

– Как вы будете платить?

– Картой, – она вытащила из кошелька «золотую» банковскую карту.

Зазвонил телефон.

– Извините. Это муж. Надо ответить, – кивнула она на телефон и заворковала в трубку, зажимая в левой руке банковскую карту: – Да... Как где? В магазине, куда ты меня направил. Да, нашла, – она вновь с радостью потрясла рукой с браслетом. (пауза) Да. Я заплачу картой, ты не волнуйся... Что? Да, спрошу... – и обратилась к администратору: – скажите, а вы не возражаете, если мы оплатим покупку наличными? Это большая сумма, но нам так удобнее.

– Нет, не возражаю.

Администратор подсчитывал «в уме» комиссионные. Наличные его устраивали! Комиссионные можно будет получить сразу же! Огромная сумма. У «новых русских», наверное, печатают деньги прямо дома.

– Дорогой, ты можешь оплатить наличными, без проблем. Сто двенадцать тысяч... Нет, я не торговалась, – она засмеялась, – пока. Жду.

– Муж сейчас подъедет. Ах, я не хотела снимать браслет, но надо с ним расстаться на полчаса. Я пойду поброжу с ребенком на улице. Вот, упакуйте, пожалуйста, прямо сейчас.

Девушка сняла с руки браслет. Его тут же подхватил парень, положил в специальный кожаный футляр. Она еще раз

бросила взгляд на упакованный браслет, говоривший: «Еще немного и ты будешь мой», и направилась к выходу.

– Мы вернемся, максимум, минут через сорок.

– Да, леди. Мы вас будем ждать.

Она вышла из магазина. Все наблюдали за ней сквозь витринное стекло. Водитель открыл дверцу, но она не захотела садиться в машину. Сказала ему, что хочет прогуляться. Затем медленно пошла вдоль дороги и разговаривала с малышом. Майбах тронулся вслед за ней и сопровождал ее.

– Мда... – проговорила молодая продавщица, – кому-то везет... А ведь в ней нет ничего особенного.

– Да? Так-таки и ничего? – ухмыльнулся парень.

– Надень на меня все эти шмотки, и я буду красавица! – фыркнула та.

Через два часа...

...администратор вышел из кабинета и прошелся по магазину. Легкое беспокойство начало понемногу одолевать этого солидного человека.

– Странно. Прошло два часа, а они не вернулись, – сказал он сотруднику, который помогал ему общаться с девушкой, отложившей для себя браслет.

– Мало ли. Давайте еще подождем, – ответил молодой работник, но нотки разочарования сквозили в голосе.

– Бывают такие дамочки, которые просто любят померить дорогие вещи, полюбоваться и... все. Психологи говорят, что таким образом женщины самоутверждаются. Просто они не могут позволить себе купить...

– Но вы же видели, у нее есть деньги. И Майбах! И Луи Виттон. А серьги? Серьги стоят тысяч тридцать. И кольцо. Нет, мне кажется, она не такая... Может, просто передумали, – снова разочарованно добавил он.

– Ну, значит, передумали. А я уже подсчитывал комиссионные, – он невесело засмеялся, – разворачивай браслет.

– Может, подождем?

Администратор покачал головой: ждать нет смысла.

– Как хотите.

Парень развернул браслет, хотел положить его на витрину и замер с ним в руке. Глаза округлились. Полными ужаса

глазами он посмотрел на администратора.

– Что? – прохрипел тот, – что ты так смотришь?

– Э... – промычал он, – это не тот браслет!

Администратор схватил браслет, застонал.

– Дрянь... какая дрянь, – выругался он и схватился за сердце.

– Принесите воды, – закричал кто-то.

В магазине началась кутерьма. Парень держал в руках поддельный браслет, потом зачем-то начал его трясти и вдруг нервно захохотал. Он смеялся сначала тихо, потом громче и громче. Он захлебывался от смеха. Наконец, кто-то стукнул его по спине. Он замолчал... Только тихонько повизгивал...

– Звоните в полицию! – сказал администратор. – Надо сообщить директору и в страховую компанию.

При словах «страховая компания» он грязно выругался.

Три часа спустя после ограбления в Бруклине...

...Соня – зеленоглазая блондинка (конечно, это была она!) сидела в кафе напротив ювелирного магазина. Она выбрала местечко у окна, включила мобильный телефон, надела наушники, делая вид, что слушает музыку, пила кофе и наблюдала за событиями, происходящими на улице напротив.

С громкой сиреной подъехали два полицейских внедорожника. Из одного вышли три полицейских. Соня тут же дала им прозвища: Маленький, Офисный и Рыжий. На Рыжего она обратила особое внимание. Он был высок, хорош собой (насколько она могла рассмотреть через дорогу) и, по ее представлению, руководил коллегами.

У Сони был план дальнейших действий. Но почему-то (это Рыжий виноват!) в последнее мгновение она решила свой план скорректировать. В конце концов, именно она придумывает правила игры. Конечно, результат может оказаться совсем не таким, как ей представлялось вначале. Но соблазн все поменять был велик, и она решилась.

Да! Она познакомится с рыжим полицейским.

В магазине обстановка была беспокойной. Детективы-по-

лицейские расспрашивали сотрудников: Маленький говорил с администратором, Рыжий – с парнем, который обслуживал девушку, Офисный ни с кем не разговаривал, молча рассматривал витрины, следил за камерами, заглядывал в ящики.

– Значит, вы считаете, что она русская? – спросил детектив у парня.

– Во всяком случае, русский язык – родной для нее.

– По-русски она говорила без акцента?

– Более того. Она говорила грамотно. Это ее родной язык.

– А по-английски?

– Вполне прилично. С небольшим акцентом.

– Опишите ее.

– Ну... Красивая, сэр, – парень замолчал, раздумывая...

– Это я понял, – ухмыльнулся полицейский, – а еще? Какие-нибудь характерные особенности...

– Например?

– Шрамы...

В ответ парень округлил глаза. Рыжий понял, что шрамов тот не видел...

– Рост?

– Ну, ниже меня.

– А какой ваш рост?

– Где-то пять футов, восемь дюймов.

– И насколько девушка ниже?

– Ниже... Чуть-чуть... – он пожал плечами.

– Понятно. Опишите ее. Глаза? Волосы? Худая? Толстая?

– Так... Не худая и не толстая (Рыжий ухмыльнулся). Волосы светлые. До плеч. Ровные. Возможно, крашенные. Не знаю. Глаза – серые. Да. Глаза – точно серые. Одета в светлый брючный костюм. Дорогой костюм. Сумочка от Луи Виттона. Еще у нее были красивые серьги и кольцо.

– Стоп. Какие серьги? Опишите.

– Маленькие. Серьга – камень. Два камня – два солитера.

Бриллианты.

– Откуда знаете, что бриллианты?

– Ну, так мне показалось... Очень блестели. Много граблей.

– А разве кристалл, например, не может блестеть?

– Ну...

– Может или нет?

– Может.

– Вы уверены, что это бриллианты?

– Я не могу быть уверенным, сэр. Мне так показалось.

– Понятно. А ребенок? Вы видели ребенка?

– Ребенок был в коляске, сэр. Мальчик.

– Почему вы решили, что мальчик?

– Коляска синяя. Бант – синий... Да... Она сказала, что у нее мальчик. И это муж хотел ей сделать подарок. Потому что родился сын.

– То есть ребенка вы не видели?

– Не понял вопроса, – парень удивился, – как это, не видел?..

– Вы видели ребенка *в коляске*, так?

– Да, сэръ. В коляске.

– И решили, что это настоящий ребенок?

– А какой? Ненастоящий? – парень вдруг рассмеялся, потом осекся, – извините, может, вы имели в виду что-то другое?

– Я все понял.

Он громко спросил:

– Кто еще может рассказать что-либо важное об этой девушке? Пожалуйста, нам нужно знать как можно больше информации о ней.

– Я могу, – добавила молодая продавщица, – я могу.

– Слушаю вас, – улыбнулся Рыжий.

– Алекс говорит, что она красивая, – взглянула она на парня, – но это не так.

– Значит, она не красивая? – Рыжий пытался скрыть улыбку.

– Я не это имела в виду. Она очень приятная, но далеко не красавица. Самая обычная девушка. Я не думаю, что она настоящая русская. Скорее, у нее кто-то из родителей русский. Что-то в ее лице есть странное.

– Так, так... Что именно? – Рыжий заинтересовался. – Не стесняйтесь, говорите все, что думаете. Опишите ее. Я понимаю, что мужчины не так воспринимают женщин. Женщины более внимательны в оценке. Нам очень интересен ваш – женский – взгляд, – Рыжий поддержал желание девушки.

– Мне показалось, она была в линзах. Возможно, она плохо видит. И она так прищуривается иногда. Обычно так «наводят резкость» те, у кого близорукость. У меня – минус три, и я часто так делаю. Это интуитивно.

– Это очень интересно. Вы наблюдательная девушка! Что еще необычного вы заметили?

– Она милая. Стильно одетая. Именно поэтому и обращает на себя внимание. Не лицо, а стиль. Как на мой взгляд, она полновата. Может, после рождения ребенка. Но ее жакет был немного узковат, одна пуговица расстегнута. Возможно, этот жакет она носила до беременности.

– Значит, *вы* ребенка видели?

– Я слышала, сэр. Был момент, когда мальчик заплакал. Тогда она покачала коляску и что-то ему проговорила, успокоила.

– Как вы думаете, сколько девушке лет?

– На первый взгляд, двадцать-двадцать два. Она молодая. Но...

– Что?

– Мне кажется, она старше.

– Почему вам так кажется?

– Слишком она уверена в себе. Она выглядит молодо, но по ее поведению можно сказать, что она старше. Ей лет двадцать семь.

– И что еще вы заметили?

– Еще я заметила номер у Майбаха.

Рыжий благодарно улыбнулся:

– Вы очень наблюдательная девушка. Вам надо работать в полиции! И какой номер?

– Эй-Ди-Си: ноль, шесть, одиннадцать.

– Уверены? Обычно девушки на номера не обращают внимание.

– Во-первых, я рассматривала машину через окно. А во-вторых, я родилась шестого ноября. Поэтому сразу и запомнила.

– Спасибо большое.

Рыжий позвал Офисного:

– Проверь номер по базе данных.

Затем обратился к администратору:

– Вы в страховую компанию сообщили?

– Да, конечно.

– И какая стоимость украденного браслета?

– Сто двенадцать тысяч, – вздохнул он, чуть не плача, – без налога.

– Понятно.

– У вас есть фото браслета?

– Он есть в каталоге.

Администратор достал каталог ювелирных изделий и открыл страницу с изумрудным браслетом.

– Каталог мы возьмем.

– Конечно, у нас много.

– А почему вы не указываете цену?

– Такая практика. Это, по сути, коммерческий ход: кому интересно – придут в магазин. Если это изделие дорого, возможно, купят другое...

– А сколько стоит, например, этот браслет? – Маленький показал на один из браслетов на фото.

– Сейчас посмотрю. Я, вообще-то, помнил все по памяти, но после всего, что случилось... – он вздохнул, – вот, нашел. Тридцать пять тысяч.

– А есть в каталоге изделия подешевле: например, двести долларов или семьсот?

– В этом каталоге нет. Это для дорогих украшений.

– Окей. Значит, для недорогих украшений у вас есть отдельная брошюра?

– Да.

– А какое украшение в *этом* – дорогом – каталоге самое ценное?

– Украденный браслет, – чуть не плача прошептал администратор, потом добавил: – Вот, еще есть кольцо и браслет с рубинами. Сто пять и сто семь тысяч.

– Скажите, у вас есть свой сайт в интернете?

– Да.

– И там можно посмотреть, какие вы продаете украшения?

– Конечно.

– Фото браслета с изумрудами там было?

– Да. Но это обычная практика... – администратор задумался.

мался. – Вы считаете, что она могла изготовить подделку по фотографиям?.. – он округлил глаза и замолчал.

– Окей. Всем спасибо. Будем искать вашу... – Рыжий не мог подобрать слово, – в общем, будем искать аферистку.

Выходя из магазина, полицейские столкнулись с девушкой. Она разговаривала по телефону, шла быстро, не обращая ни на кого внимание и несла в руках папки с бумагами. Папки упали, и листы с рисунками и чертежами рассыпались по мостовой.

Девушка начала их собирать, приговаривая:

– Ну, раз это полиция, то можно быть невежливыми...

– Извините, – возразил Рыжий, – но вы тоже виноваты: выскочили, как черт из табакерки... Давайте я вам помогу.

Он наклонился и подобрал оставшиеся бумажные листы.

– Вот, возьмите.

– Хорошо, что дождя нет, а то все бы испачкалось.

– Еще раз прошу прощения.

– Да ладно, ничего... И вы извините.

– Вы здесь живете? – сам не зная почему, спросил ее полицейский.

Девушка удивилась вопросу. Посмотрела на него лучистым взглядом, улыбнулась.

– Э... Я к тому, что мы интересуемся... э... местными... – он запутался.

– Нет. Я приехала к подруге. Сегодня мы договорились встретиться, но она позвонила и сообщила, что опаздывает.

А мне нужны были документы. Приезжать еще раз с другого конца Нью-Йорка не хотелось. Вот сидела три часа в кафе и ждала ее.

– Вы сидели в том кафе напротив?

– Да, а что?

– А на улицу не смотрели?

– Почему не смотрела? Смотрела. Подругу ждала. Она позвонила, сказала, что скоро придет... Три чашки кофе выпила. Потом еще с ней вместе – горячий шоколад. Уже тошнит от напитков.

– А что-нибудь интересное не привлекало вашего внимания?

– Вы приехали. С сиреной. Это интересно. – Она засмеялась.

– А кроме нас? Вы, случайно, машину Майбах не видели? Она достаточно долго стояла у магазина.

– Была машина. Но я не разбираюсь в марках. Большая такая. Бордовая, по-моему.

– А девушку, которая уехала в этой машине, вы не видели?

– Нет. Но я видела, как из магазина вышла молодая женщина с коляской, что-то сказала водителю... Потом она пошла... вон туда, – она указала в сторону, – а машина развернулась и поехала за ней. Медленно поехала. Это я видела.

– А дальше?

– Все.

– А когда она в машину села, вы не обратили внимание?

– Нет. Я ждала подругу...

– Да... Понятно.

– Мне эта девушка напомнила одну актрису.

– Правда? Как ее имя?

– Я не помню. Она в сериалах играет. Я даже подумала сначала, что это она и есть.

– А потом поняли, что ошиблись?

– Слушайте, я что, на допросе?

– Нет-нет, мисс... Спасибо, вы нам очень помогли.

Он протянул ей свою карточку:

– Вот моя визитка. Если вспомните имя этой актрисы, позвоните.

– Ну, ладно... Если вам такие пустяки интересны... С ней что-то случилось?

– Пока не знаем. Но мы ее ищем.

Машина уже дважды сигналила. Из окна высунулся Маленький и шутил. Но Рыжий как будто не хотел отпускать девушку, задавал и задавал ей вопросы...

– Окей. Не буду вас задерживать, – с грустью сказал он.

– Ага. Ваши коллеги думают, что вы меня клеите...

– Я? Вас? Вы так думаете?

– Да нет, – она засмеялась, – не я так думаю. Это ваши коллеги так считают. Вы что, не слышите, какие они шуточки отпускают?

– Они мне завидуют, – он сказал это шепотом, чуть наклонившись к ее уху.

– Хм... – она неопределенно хмыкнула. Видимо, смутилась. – Я пойду. До свидания.

– До свидания. И позвоните, – он выкрикнул это «позвоните», потом тихо добавил: – Когда вспомните имя артистки...

– Ладно, – она ответила, уже уходя.

Рыжий влез на переднее сиденье.

– А она ничего, а? Ты телефон ее взял?

– Она, между прочим, видела нашу барышню.

– Ага... Ты только поэтому так долго с ней беседовал? – съязвил Маленький.

– Дурак.

– Угу... – дополнил Офисный. – Стэнли так долго спрашивал девушку, потому что она ценный свидетель, – причмокнул он и обратился к Маленькому: – Вот ты, Гарри, ты на нее не обратил внимания, а Стен – он умный коп, он сразу понял, кто перед ним...

– А ты – дурак в квадрате... – это относилось к Офисному.

Они снова захохотали. У них была дружная и опытная команда, которой поручали сложные дела. Их детективную бригаду так и называли «Тройка Б»: Браун, Бэлл, Батлер.

Стэнли Браун, Гарри Бэлл, Бенджамин Батлер или, проще, – Стен, Гарри и Бенджи – подъехали к зданию департамента полиции в Нижнем Манхэттене с намерением тщательно изучить видеоматериалы, сравнить два ограбления и

найти важные детали, за которые можно зацепиться. То, что оба ограбления связаны между собой и тщательно организованы, они не сомневались.

– И как ты думаешь, будут еще подобные аферы? – весело спросил Гарри у Стэнли.

– Это зависит от того, сколько девушек в команде, – засмеялся тот.

– А я так думаю, что это не конец, – заметил Бенджи.

– Лучше б ты так не думал.

– Ну, и кто, по-твоему, следующая? Уже были француженка и русская... Дальше кто?

– Ставим ставки? – Гарри потер руки от возбуждения.

– Давай. Я считаю, что следующая – м-м-м... латиноамериканка, – Бенджи достал пятидесятидолларовую купюру, – ставлю пятьдесят долларов!

– У меня наличных сегодня нет. Но я поддерживаю. Э...

Он не успел сказать, кем, по его мнению, будет следующая мошенница. В кабинет вошла Магги.

– Вы чем занимаетесь?

– Магги, а вот ты – коренная американка? – вопросом на вопрос ответил Гарри.

– Да... А в чем дело?

– А родители твои?

– Папа – ирландец, мама – американка в нескольких поколениях.

– Ну... Назови мне какую-нибудь этническую группу.

– Да в чем дело?

– Назови... Я потом объясню.

– Русские.

Мужчины заржали.

– Вы чего?

– Русские – не годятся. Еще.

– Ну, тогда индейцы из племени мумба-юмба. Годится?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.